

Herbert George Wells

Герберт Джордж Уэллс

The Island of Dr. Moreau

ОСТРОВ ДОКТОРА МОРО

Перевод Морозовой К.А.

Учебное пособие

Метод параллельных текстов

**НАРОДНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

УДК 811.111
ББК 81.2 Англ-93
У98

У98 Уэллс Г. Остров доктора Моро. = Wells Herbert George. The Island of Dr. Moreau.
Учебное пособие. Метод параллельных текстов А.М. Кушнера. —
М.: Народное образование, 2022. — 204 с.

ISBN 978-5-91447-200-6

Учебное пособие для изучения английского языка методом параллельных текстов. «Параллельные тексты» являются составной частью природосообразной модели обучения, разработанной психологом Алексеем Кушнером. Принципиальное отличие этой модели в том, что в её основе лежит не лингвистика, а закономерности психофизиологии — механизмы работы мозга, психики, личности. Человек осваивает что бы то ни было благодаря именно этим механизмам, а не сообразно предметной парадигме математики, географии или лингвистики. Именно поэтому переход на природосообразные алгоритмы обучения позволяет значительно увеличить эффективность учебного процесса. Пособие предназначено для использования в учебном процессе, а также для самообразования.

ISBN 978-5-91447-200-6

ББК 81.2 Англ-93

© Пер. Морозовой К.А., 2022
© Народное образование, 2022

Моим учителям посвящается...

Вы держите в руках учебную книгу, которая является частью проекта «English-UpSelf». Это глубоко личный проект, поскольку стартовал в далёкой юности, почти в детстве. Тогда у этого проекта ещё не было ни имени, ни плана, но как оказалось, была некая предрешённость...

Все мы родом из школы! Некоторые учителя остаются в памяти и сердце навсегда. Моя учительница немецкого Галина Ивановна Зленко из таких. Но помню её почему-то не как учителя, а как друга, взрослого друга... Мне, шестикласснику, тогда и в голову не приходило, что пойду я на факультет иностранных языков и стану учителем немецкого.

В седьмом классе отца перевели из Поздеевки в Белогорск, и я стал учеником городской школы № 17. Здесь уже была другая учительница, Антонина Николаевна. Особого интереса к иностранному языку не было, но отношения с учителем были ровные и уважительные. И всё-таки по немецкому выходила тройка... Это была единственная тройка, которая могла оказаться в аттестате, а в ту пору шла повсеместная борьба за «средний балл». Это что-то вроде вселенской войны за баллы ЕГЭ. Но мне тройку не поставили, видимо, приняли во внимание заслуги в алгебре и на конкурсе «А ну-ка парни!».

Одноклассники уже все определились, кто куда поступает, я же весь извёлся сомнениями. Особо ценным качеством казалась мне тогда некая универсальность, знание и умение всего и вся, готовность ко всему, с чем можно столкнуться в жизни. Как-то это было связано с предполагавшейся военной карьерой. К окончанию школы я был уже водитель-механик третьего класса, имел третий-четвёртый разряд по нескольким профессиям. Особенно нравилось токарное дело... И мыслил я так, что незачем тратить время на алгебру или историю, которые я легко могу освоить самостоятельно. Эта почти случившаяся тройка по немецкому терзала и требовала реванша, и терзания те привели прямоком на факультет иностранных языков.

Чуть не вылетев после первой же сессии, я окончательно осознал горькую правду: к языкам не способен... Преподавателям я, наверное, казался если не идиотом, то бездельником. А между тем зубрил и зубрил усердно, но безо всякого результата. Товарки по группе легко заучивали страницы, а мне и абзац не давался... Выезжал кое-как на понимании, интуиции и везении.

Бросить? Нет! Это не про нас...

Смириться с таким своим плачевным состоянием было, конечно же, невозможно! Дума думалась день и ночь... Мозг изворотливо искал виновных, подсказывал чьи-то просчёты в методиках. Но постепенно этот внутренний обличительный диалог вошёл в русло дотошного анализа и поиска. И я пришёл к выводу, что возможен другой путь освоения иностранного языка, опирающийся не на зубрёжку, а на что-то ещё. Нужен был какой-то толчок, случайная находка, догадка.

Сидим в гостях у кого-то из городских, цедим на пятерых бутылочку «Алиготе» за рубль шестьдесят пять. Перебираю на полке хозяйские книжки... Ба!? «Три то-

варища» Ремарка на русском языке... Мы как раз работаем с книгой на «домашке», препарируем текст, анализируем языковые средства, доказываем преподавателю, что вдумчиво читали и переводили... Немецкий пока ещё так себе, анатомы-препараторы те ещё, обсуждение прочитанного, соответственно, то ещё! А тут такая удача. Ну, думаю, в институтской библиотеке должен же быть Ремарк на русском. Иду. И на тебе: студентам инфака ни Ремарка, ни Джером К. Джерома на русском не выдают. Не я первый, значит.

«Per aspera ad astra...», это принципиально!

Недолго думая попросил одноклассника с факультета физвоспитания взять для меня пару нужных книг, и началось... Зачитывался! Обе книжки перед глазами, читаю на немецком, проверяю себя на русском, а однажды заметил, что порой перевод мне не нравится, кажется не совсем точным, не вписывается в авторский ритм...

А весной, что называется, гром грянул! С окна третьего этажа общежития на троуар свалился почтовый ящик, служивший студентам зимой холодильником. Прямо под ноги грохнул наземь, разбрасывая растаявшие остатки зимней снеди. Испуг был нешуточный. Я не по-детски ругнулся залпом... Да не на родном, русском, а на чужом, немецком языке. И не только ругнулся, а ещё мысленно сказал всё, что думаю о дураках, которые привязывают ящики за окнами чем-нибудь типа ниток под номером 40.

Эта спонтанная «немецкая» реакция меня сильно озадачила. Работа с «параллельными текстами» дала настолько мощный прорыв в понимании иностранного языка и накоплении лексики, что я периодами стал думать по-немецки. А то и сон приснится с баварским акцентом. По-прежнему оставались проблемными дисциплины, где главным методом успеха было заучивание наизусть, но в целом учёба стала налаживаться.

Постепенно выстраивался алгоритм беспроблемного, лёгкого освоения иностранного языка, который окончательно оформился в метод обучения к концу второго курса. Теперь у меня было полное понимание того, почему язык все учат, но никто не знает, почему освоение языка идёт туго, медленно и трудоёмко, и как надо организовать учёбу, чтобы дело пошло. Конечно, хотелось поделиться с профессионалами, услышать оценку своих методических конструкций, даже изменить что-то в обучении нас, но увы, преподаватели моих «открытий» вежливо не оценили.

На третьем курсе — курсовая по методике. Давались проверенные временем темы и никакой самостоятельности... Я со своими тройками и изобретениями доверия не вызывал, а потому отличиться с собственной темой почти не было шансов. И всё-таки повезло! Преподаватель латинского, один из руководителей курсовых работ, Яков Вениаминович Генин, изучив мои выводы, сказал: «А ты знаешь, раньше так изучали латынь... Почему бы и нет?» Так я впервые, в 1978-м, оформил свои методические мысли письменно. И только в 1997 году мне удалось повторить этот «подвиг». В качестве отдельного выпуска журнала «Школьные технологии» вышла в свет небольшая книжка «Педагогика иностранного языка».

Мне, студенту, удалось разработать эффективный алгоритм работы, но понять некоторые неметодические причины того, почему «все учат, но никто не знает», довелось много позже. Где-то в 1984-м, в московском дворике по улице Сивцев Вражек, на скамеечку присел старичок погреться на солнышке. Знать бы мне, что это

был действующий кандидат в члены ЦК КПСС... Разговорились. Он расспрашивал, чем занимаюсь в аспирантуре, какие есть идеи, мысли, планы и достижения... Я, конечно же, не утерпел и рассказал о своих методических изысках. Удивительно то, насколько ему всё было интересно. Он задавал уточняющие вопросы, высказывал догадки и гипотезы. Это был, пожалуй, один из самых интересных и сведущих собеседников в моей жизни. А напоследок нашей беседы он рассказал мне случай, имеющий отношение к теме.

В конце пятидесятых ЦК КПСС сформировал рабочую группу для выработки решений по поводу размещения на территории СССР станций РЭБ, а проще — «глушилок», предназначенных для подавления враждебных «голосов». Один из экспертов-инженеров, капитан-фронтовик, в ходе обсуждения высказал абсурдную на первый взгляд мысль: «А что же делать с передачами на немецком, английском языках? Как их глушить?» Вопрос вызвал смех, но председатель рабочей группы был не так прост. Он попросил капитана пояснить свой вопрос. «У нас на фронте, кто призвался после средней школы, сразу становились переводчиками...», — ответил капитан. Присутствующие на совещании фронтовики подтвердили массовость этого факта. И к проводам немецким подключались, и эфир слушали, и допросы вели. Выходит, школа давала и продолжает давать хороший уровень языковой подготовки. Настолько хороший, что «железный занавес» терял смысл.

Уже через пару недель боевой отряд партии, КГБ СССР, получил задание изменить методику преподавания таким образом, чтобы «все учили, но никто не знал» иностранный язык.

В кратчайшие сроки, под аккомпанемент постановлений «об улучшении дел» с иностранными языками в СССР, переводно-грамматический метод обучения был заменён на «условно-коммуникативный». В считанные недели, месяцы из обихода и библиотек исчезла методическая литература по «устаревшей методике», а переподготовку прошли все учителя страны. С тех пор в СССР и в России язык все учат, но никто не знает. Таким образом, неэффективность обучения языкам в нашей стране является результатом спецоперации КГБ СССР. Эта служба, как видно, с задачей справилась настолько хорошо, что последствия этой спецоперации не преодолены по сей день.

Этого «старичка», кандидата в члены ЦК КПСС, звали Яков Иванович Кабков.

В последние годы в России широко распространились сетевые школы иностранных языков, работающие по западным лекалам. Но и они не решили проблему эффективного обучения, поскольку принесли к нам всё тот же условно-коммуникативный метод, который хорош для Европы, но совершенно непригоден у нас. Таким образом, низкая эффективность применяемых методов обучения остаётся нерешённой проблемой!

На самом деле у нас давно есть технология обучения, которая преодолевает наследие «железного занавеса» и некоторых успешных спецопераций, и идёт дальше переводно-грамматического метода! Её эффективность превосходит известные практики вдвое-втрое, что даёт существенную экономию времени. Уникальность этой технологии, например, в том, что при её использовании не нужен преподаватель иностранного языка, она достаточно хороша для самообразования.

Зачем я рассказываю здесь эту свою, глубоко личную, историю? Дело в том, что для нас эта история типична, она встречается в судьбе любой инновации и каждого изобретателя в нашей стране.

Да, действительно, ещё тогда, в 70-х, был найден простой и эффективный метод обучения. Уже работая преподавателем в пединституте, мне удалось апробировать некоторые технологические решения и убедиться в их беспрецедентной эффективности. Моими испытуемыми были студенты факультета русского языка и литературы, а также строительного техникума. И я точно знаю, что разработанный тогда алгоритм учебной работы по-прежнему недостижим по эффективности для других систем обучения, будь они из самых первых рук Гарварда или Принстона. Но если решение такое эффективное, то отчего же его нигде нет? Это и есть причина рассказывать эту историю.

Это и есть то, что меня потрясает, возмущает и оскорбляет — наша тотальная, беспросветная, безысходная инновационная тупость. Изобретателей у нас хватает, идей тоже, но вы посмотрите, с каким трудом эти изобретатели и эти идеи пробиваются в свет! Я другой такой страны не знаю... Стоит ли об этом говорить в предисловии к учебной книге? Не знаю! Иногда мне кажется, что надо не говорить, а орать, орать на всех углах...

Вспомните начало 90-х! Ренессанс педагогического творчества и изобретательства, несколько лет творческого полёта в будущее! Думали, теперь это навсегда... Но взгляните на сегодняшнего директора школы. Полномочия, возможности и прочие «степени свободы» директора школы в СССР ему и не снились! Предложите ему инновацию, и он отпрыгнет от вас как от чумного. Впрочем, если та же инновация будет родом из каких-нибудь швейцарий, сингапуров и прочих америк, то welcome...

Что с нами?

Может, не сетовать на «особенности национальной инновации» да не ныть про всеобщую инновационную тупость, а выпекать эти «методические пирожки» и делом обосновывать достоинства подхода?

Несколько слов надо сказать об аналогах. Такие и похожие книги есть, достаточно давно выпускаются, но используются иначе, в рамках другой методологии. В нашей системе обучения книги с подстрочником используются несколько иначе, но об этом — отдельно. Пишите: kushnir-narobr@yandex.ru

Итак, перед вами учебная книга. Инструкция к ней проще простого: читайте не торопясь, наслаждайтесь чтением, а когда непонятно, о чём это, подглядывайте в подстрочный перевод. От книги к книге ваши навыки в английском неизбежно будут улучшаться.

Перевод текста принадлежит Ксении Алексеевне Морозовой (урожденной Бориславской, 1880–1948) — российской пианистке, писательнице, журналистке, поэтессе, переводчице и мемуаристке, жене учёного-энциклопедиста, поэта и писателя Николая Александровича Морозова (1854–1946). Окончила Екатерининский институт благородных девиц и фортепианное отделение Петербургской консерватории, выступала в Европе как пианистка, сотрудничала с газетой «Русские ведомости», переводила на русский язык произведения Пьера Луи, Роберта Хиченса, Кнута Гамсуна и Герберта Уэллса.

Алексей Кушнир

THE ISLAND OF DR. MOREAU

Остров доктора Моро

H. G. WELLS

Герберт Уэллс

A party of sailors then landed, but found nothing living thereon except
На берег был высажен отряд, который, однако, не обнаружил там ничего, кроме
certain curious white moths, some hogs and rabbits, and some rather
нескольких необыкновенных белых мотыльков, а также свиней, кроликов и крыс
peculiar rats. So that this narrative is without confirmation in its
странной породы. Ни одно из животных не было взято на борт, так что главное в записках
most essential particular. With that understood, there seems no harm
дяди осталось без подтверждения. Ввиду всего сказанного можно надеяться, что издание
in putting this strange story before the public in accordance, as I believe,
этих удивительных записок никому не принесет вреда и, как мне кажется, соответствует
with my uncle's intentions. There is at least this much in its behalf: my
желанию моего дяди. Во всяком случае, остается фактом, что дядя
uncle passed out of human knowledge about latitude 5' S. and longitude
исчез где-то в районе 5° северной широты и 106° западной долготы и нашелся
105' E., and reappeared in the same part of the ocean after a space of
этой же части океана через одиннадцать месяцев.
eleven months. In some way he must have lived during the interval. And
Должен же он был где-то жить все это время.
it seems that a schooner called the Ipecacuanha with a drunken captain,
Известно также, что шхуна «Ипекакуана» с пьянчужой капитаном Джоном
John Davies, did start from Africa with a puma and certain other animals
Дэвисом вышла из Африки, имея на борту пуму и других животных, в январе
aboard in January, 1887, that the vessel was well known at several ports
1887 года ее видели в нескольких портах на юге Тихого океана, после чего она
in the South Pacific, and that it finally disappeared from those seas (with
бесследно исчезла с большим грузом кокосовых орехов, выйдя в неизвестном
a considerable amount of copra aboard), sailing to its unknown fate from
направлении из Бэньи в декабре 1887 года, что совершенно совпадает с
Bayna in December, 1887, a date that tallies entirely with my uncle's
утверждением моего дяди.
story.

CHARLES EDWARD PRENDICK.

Чарльз Эдвард Прендик

"In the Dingey of the 'Lady Vain'"

В ЯЛИКЕ С «ЛЕДИ ВЕЙН»

I DO not propose to add anything to what has already been

Я не собираюсь ничего прибавлять к тому, что уже сообщалось в

written concerning the loss of the "Lady Vain." As everyone knows, she

газетах о гибели «Леди Вейн». Всем известно, что через

collided with a derelict when ten days out from Callao. The long-boat,

десять дней после выхода из Кальяо она наткнулась на отмель. Семь человек экипажа

with seven of the crew, was picked up eighteen days after by H. M.

спаслись на баркасе и были подобраны восемнадцать дней спустя английской

gunboat "Myrtle," and the story of their terrible privations has become

канонеркой «Миртл». История их злоключений стала так же широко известна, как

quite as well known as the far more horrible "Medusa" case. But I have

и потрясающий случай с «Медузой». На мою долю

to add to the published story of the "Lady Vain" another, possibly

остается только добавить к уже известной истории гибели «Леди Вейн» другую, не менее

as horrible and far stranger.

ужасную и, несомненно, гораздо более удивительную. До сих пор считалось, что четверо

that the four men who were in the dingey perished, but this is incorrect.

людей пытавшихся спастись на ялике, погибли, но это не так. У

I have the best of evidence for this assertion: I was one of the four men.

меня есть неопровержимое доказательство: я один из этих четверых.

But in the first place I must state that there never were four men

Прежде всего я должен заметить, что в ялике было не четверо, а только

in the dingey, - the number was three. Constans, who was "seen by the

трое Констанс, про которого писали, что «его видел капитан, когда он прыгал за

captain to jump into the gig," Daily News, March 17, 1887. luckily for us

борт» («Дейли ньюс» от 17 марта 1887 года), к счастью для нас и к несчастью для

and unluckily for himself did not reach us. He came down out of the

себя, не добрался до ялика. Выбираясь из путаницы снастей у

tangle of ropes under the stays of the smashed bowsprit, some small

сломанного бугшприта и готовясь кинуться в воду, он зацепился каблуком за

rope caught his heel as he let go, and he hung for a moment head

какую-то снасть. На минуту он повис вниз головой, а потом, падая в воду,

downward, and then fell and struck a block or spar floating in the water.

ударился о плававшее в волнах бревно.

We pulled towards him, but he never came up.

Мы стали грести к нему, но он уже больше не показывался на поверхности.

I say lucky for us he did not reach us, and I might almost say
Пожалуй, все же он не доплыл до нас не только к нашему счастью, но и к
luckily for himself; for we had only a small breaker of water and some
счастью для себя. У нас был только маленький бочонок с водой и несколько отсыревших
soddened ship's biscuits with us, so sudden had been the alarm, so
сухарей (так неожиданно произошла катастрофа и так плохо подготовлен был
unprepared the ship for any disaster. We thought the people on the
корабль). *Решив, что на баркасе припасов*
launch would be better provisioned (though it seems they were not), and
больше (хотя, как видно, это было не так), мы стали кричать, но наши
we tried to hail them. They could not have heard us, and the next morning
голоса не долетали до баркаса, а на следующее утро, когда рассеялся
when the drizzle cleared, - which was not until past midday, - we could
туман, мы его уже не увидели.
see nothing of them. We could not stand up to look about us,
Встать и осмотреться не было возможности из-за качки. По
because of the pitching of the boat. The
морю гуляли огромные валы, нечеловеческих усилий стоило держаться к ним носом. Со мною
two other men who had escaped so far with me were a man named
спаслись еще двое: Хельмар, такой же пассажир, как и я, и матрос, имени
Helmar, a passenger like myself, and a seaman whose name I don't know,
которого я не знаю, коренастый, заикающийся человек невысокого роста.
- a short sturdy man, with a stammer.

We drifted famishing, and, after our water had come to an end,
Восемь дней носило нас по морю. Мы умирали от голода и нестерпимой
tormented by an intolerable thirst, for eight days altogether. After the
жажды, после того как выпили всю воду. Через два
second day the sea subsided slowly to a glassy calm. It is quite impossible
дня море утихло и стало гладким, как стекло. Едва ли читатель
for the ordinary reader to imagine those eight days. He has not, luckily
сумеет представить себе, какие это были восемь дней! Счастлив он, если
for himself, anything in his memory to imagine with. After the first day we
память не рисует ему подобных картин. На второй день мы почти не
said little to one another, and lay in our places in the boat and stared at
говорили друг с другом и неподвижно лежали в шлюпке, уставившись вдаль
the horizon, or watched, with eyes that grew larger and more haggard
или глядя блуждающими глазами, как ужас и слабость овладевают всеми.
every day, the misery and weakness gaining upon our companions. The
Солнце пекло безжалостно.
sun became pitiless. The water ended on the fourth day, and we were
Вода кончилась на четвертый день. Нам мерещились

already thinking strange things and saying them with our eyes; but it was, *страшные видения, и их можно было прочесть в наших глазах. Если не ошибаюсь, на*
I think, the sixth before Helmar gave voice to the thing we had all been *шестой день Хельмар заговорил наконец о том, что было у каждого из нас на уме.*
thinking. I remember our voices were dry and thin, so that we bent *Помню, мы были так слабы, что наклонялись друг к другу и едва*
towards one another and spared our words. I stood out against it with *слышно шептали.* *Я всеми силами противился этому,*
all my might, was rather for scuttling the boat and perishing together *предпочитая прорубить дно шлюпки и погибнуть всем вместе, отдавшись на съедение*
among the sharks that followed us; but when Helmar said that if his *следовавшим за нами акулам. Но я оказался в одиночестве: когда Хельмар сказал, что, если*
proposal was accepted we should have drink, the sailor came round to *мы примем его предложение, у нас будет что пить, матрос присоединился к нему.*
him.

I would not draw lots however, and in the night the sailor *Все же я не хотел бросать жребий. Ночью Хельмар все шептался с*
whispered to Helmar again and again, and I sat in the bows with my *матросом, а я сидел на носу, зажав в руке нож, хотя и чувствовал, что слишком*
clasp-knife in my hand, though I doubt if I had the stuff in me to fight; *слаб для борьбы с ними. Утром я согласился с предложением Хельмара, и мы*
and in the morning I agreed to Helmar's proposal, and we handed *бросили полупенсовик, чтобы жребий решил нашу судьбу.*
halfpence to find the odd man.

The lot fell upon the sailor; but he was the strongest of us and *Жребий пал на матроса, но он был самый сильный из нас, и, не*
would not abide by it, and attacked Helmar with his hands. They grappled *желая умирать, кинулся на Хельмара.* *Они сцепились*
together and almost stood up. I crawled along the boat to them, *и оба привстали.* *Я пополз к ним по дну шлюпки, чтобы*
intending to help Helmar by grasping the sailor's leg; but the sailor *схватить матроса за ногу и помочь Хельмару, но в эту минуту шлюпку*
stumbled with the swaying of the boat, and the two fell upon the gunwale *качнуло, матрос оступился, и оба упали за борт.*
and rolled overboard together. They sank like stones. I remember *Они пошли ко дну, как камни. Помню, я*
laughing at that, and wondering why I laughed. *засмеялся, сам удивляясь этому.*

I lay across one of the thwarts for I know not how long, thinking *Не знаю, сколько времени я пролежал, думая только о том, что если б я был*

that if I had the strength I would drink sea-water and madden myself to
в силах встать, то напился бы соленой воды, чтобы сойти с ума и поскорее
die quickly. And even as I lay there I saw, with no more interest than if it
умереть. Потом я увидел, что на горизонте показался корабль, но продолжал
had been a picture, a sail come up towards me over the sky- line. My mind
лежать с таким равнодушием, словно это был мираж. Я,
must have been wandering, and yet I remember all that happened, quite
по-видимому, был невменяем, но теперь помню все совершенно отчетливо.
distinctly. I remember how my head swayed with the seas, and the
Помню, как голова моя качалась в такт волнам и судно на
horizon with the sail above it danced up and down; but I also remember
горизонте танцевало перед моими глазами. Помню, я был убежден в том, что
as distinctly that I had a persuasion that I was dead, and that I thought
уже умер, и думал, какая горькая насмешка, что корабль подойдет слишком
what a jest it was that they should come too late by such a little to catch
поздно и подберет лишь мой труп.
me in my body.

For an endless period, as it seemed to me, I lay with my head on
Мне казалось, что я лежал так бесконечно долго, опустив голову
the thwart watching the schooner (she was a little ship, schooner- rigged
на банку и глядя на судно, плясавшее на волнах. Это была небольшая
fore and aft) come up out of the sea. She kept tacking to and fro in a
шхуна. Она лавировала, описывая зигзаги,
widening compass, for she was sailing dead into the wind. It never entered
так как шла против ветра. Мне даже не
my head to attempt to attract attention, and I do not remember anything
приходило в голову попытаться привлечь ее внимание, и я не помню почти ничего
distinctly after the sight of her side until I found myself in a little cabin
после того, как увидел борт подошедшего судна и очутился в маленькой каютке.
aft. There's a dim half-memory of being lifted up to the gangway, and of
У меня осталось лишь смутное воспоминание, что меня поднимали по трапу
a big red countenance covered with freckles and surrounded with red
и кто-то большой, рыжий, веснучатый смотрел на меня, наклонившись над
hair staring at me over the bulwarks. I also had a disconnected impression
бортом. Помню еще какое-то смуглое лицо со
of a dark face, with extraordinary eyes, close to mine; but that I thought
странными глазами, смотревшими на меня в упор, но я думал, что это кошмар,
was a nightmare, until I met it again. I fancy I recollect some stuff being
пока снова не увидел их позже. Помню, наконец, как мне вливали сквозь зубы
poured in between my teeth; and that is all.
какую-то жидкость. Вот и все, что осталось у меня в памяти.